

© 1996 г. К.А. ПЕРЕВЕРЗЕВ

**СЕМАНТИКА КАУЗАЦИИ НА ФОНЕ
ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОЙ
ТИПОЛОГИЙ**

В семантике индоевропейских языков, рассматриваемой с типологической точки зрения, имеется обширная область, которую можно — до некоторой степени условно — обозначить термином *каузативность*. Конфигурация этого фрагмента семантики поддерживается постоянным присутствием в жизненном цикле идеи номических связей двух явлений, где первое является причиной, второе — следствием, и наличием в языках разнообразных средств, выражающих эту идею.

Каузальные ситуации формируют семантику каузации в сфере предикатных значений и получают выход в лексику. Однако типологическая суть этого фрагмента именно в том, что одна и та же область семантики (т.е. плана содержания) в каждом языке покрывается различным набором типизированных лексических единиц (т.е. имеет различные конфигурации в плане выражения).

В настоящей статье, в первом разделе (I), опираясь на работы некоторых авторов [Типология... 1969; Савичюте 1980: 14—19; Степанов 1988; 1989], охарактеризуем эту проблему типологически, как фон нашего дальнейшего рассуждения, и опишем круг относящегося к ней русского материала, имея в виду типологию лексем. Отправным пунктом здесь будет каузальная ситуация и способы ее выражения в языке.

Во втором разделе (II) мы будем говорить о типологии пропозиций, которая выстраивается по линии соотносительных типов предикатов, формирующих их. Главная проблема состоит в том, что лексикализованные предикаты и формируемые ими пропозиции, обслуживающие семантическую область каузации и служащие обозначению каузальной ситуации, определенным образом поляризованы в системе языка. В русском языке такими поляризованными единицами (классами лексикализованных предикатов) являются *каузативы* (класс каузативных предикатов) и *рефлексивы* (класс рефлексивов — о нюансах терминологии речь пойдет ниже). Семантика каузации по-разному распределена между ними, и создаваемые ими "образы" ситуации неравновесны. Лексическая типология дополняется типологией ситуаций и пропозиций. В фокусе внимания оказывается, таким образом, структура ситуации и ее преломление в сознании субъекта (ее "изменчивый образ").

Итак, если в первом разделе "образ" ситуации предполагается как бы изначально заданным — ситуация предстает "свободной" от редукционизма любых факторов (эпистемических, прагматических и других), то во втором — как раз важны его "подвижные черты". Эпистемология ситуации становится предметом описания. Очевидным образом изменяется и само понятие ситуации. Отсюда — неизбежность одной семантической "нестыковки", на которую сразу важно указать.

Перемещение исследовательского фокуса, эмпатии исследователя с системы языка (в разделе I) на фигуру воспринимающего ситуацию субъекта (в разделе II) влечет различия в способах интерпретации семантики русских рефлексивов. Фактам лексической типологии индоевропейских языков противоречит взгляд на семантику

рефлексивов как содержащую каузативный элемент. Так, дефиниция А. Вежибской "X умер = нечто, что можно сказать об X, каузировало X стать неживым" [Wierzbicka 1980: 172] — плод "тренированной интроспекции" исследователя, отождествления собственной позиции с фигурой говорящего — противоречит интуиции типолога.

Проблема снимается, если учитывать, что различия лексической и позиционной типологий — с введением последней в оборот прагматических и эпистемических факторов — происходят от разности исходных установок. Тогда и классическая формула "убить = каузировать умереть" может предстать не столь однозначной, как иногда полагают.

Основаниями типологии "образов" ситуации и соотносительных с ними пропозиций будут два различительных параметра — степень определенности каузатора и его положение относительно объекта каузации, или субъекта каузируемого состояния. Мы стремимся показать, что системная поляризованность каузативов и рефлексивов обусловлена не столько внутренними смыслами соответствующих языковых форм, сколько — и прежде всего — самими ситуациями.

П о н я т и е с и т у а ц и и относится к числу базовых для статьи теоретических концептов. Оно, как отмечено, различается в разделах I и II. Поэтому целесообразно определить его заранее; другие же понятия будут разъясняться в дальнейшем изложении.

В лингвистический обиход понятие ситуации широко вошло с распространением в лингвистике теории референции. Референция к ситуациям ограничивает единицы пропозитивной семантики (прежде всего предложения и высказывания, а также непредметные имена и именные группы) от единиц с предметным значением, отсылающих к объектам. Вопрос об определении понятия ситуации в теории референции не ставился и был бы столь же абсурдным, как если бы имели место опыты лингвистического определения его антипода — понятия объекта (применительно к нуждам теории референции).

Однако попытки истолкования и формализации понятия ситуации предпринимались в логической теории. Поэтому в рамках данной статьи естественно ограничиться указаниями на две традиции в интерпретации этого понятия в логике, созвучные тому, как оно используется нами.

Определение понятия ситуации релевантно для так называемой "ситуационной семантики". В ее рамках различаются "реальные" и "абстрактные" ситуации. О первых Дж. Барвайс и Дж. Перри пишут: "Мы всегда находимся в тех или иных ситуациях. Человеческая познавательная деятельность выделяет в этих ситуациях категории объектов, имеющих атрибуты и находящихся в отношениях друг к другу в своих локусах — связанных областях пространства-времени" [Барвайс, Перри 1987: 264—265]. Такое понятие ситуации очевидным образом соответствует онтологической сфере, где ситуация представляет собой фрагмент мира, выделенный из жизненной сферы.

Абстрактные ситуации теоретически репрезентируют множество реальных ситуаций [Петров, Переверзев 1988: 5]. Элементарными (первичными) признаются реальные ситуации, принадлежащие — что важно подчеркнуть — реальному миру. Абстрактные ситуации не принадлежат миру: они "о мире"; они — его абстрактная математическая модель. Примером абстрактной модели будет каузальная ситуация с ее универсальной логической структурой. Именно в таком виде используется это понятие в разделе I.

Ситуационная семантика концептуально отличается от "семантики возможных миров". Однако отличия, как показали В.В. Петров и В.Н. Переверзев [1988: 24—25], не свидетельствуют о противопоставленности их систем. Для понятия же ситуации расхождения между семантиками оказываются релевантными.

В семантике возможных миров элементарным (первичным) является понятие возможного мира. Возможный мир не тождествен реальному, а ментально существует на равных правах с ним. Возможные миры рассматриваются и как "возможные ситуа-

ций" и как "возможные положения дел". Объемы понятий "мир" и "ситуация" в семантике возможных миров не различаются [Петров, Переверзев 1988: 24].

В каузальном анализе Г.Х. фон Вригта, рассматривающем возможные миры в их динамике, ретроспективе, "истории", в качестве первичного используется понятие "состояние мира". Множество состояний формирует мир, его "историю". Наше понятие ситуации в разделе II близко к понятию состояния (возможного) мира у фон Вригта [фон Вригт 1986]. Таким образом, каузальная ситуация — во "втором" понимании — является частью возможного мира.

Итак, в разделе II мы оперируем двумя понятиями — "мир" и "ситуация", рассматривая и то и другое с эпистемической точки зрения, т.е. объема информации, знаний человека (говорящего) о них. Их эпистемические "образы" будут предметом нашего внимания.

I

Идея каузальной связанности событий состоит в том, что некоторое свойство субъекта одного события — свойство в самом широком смысле — стимулирует в субъекте другого события определенную реакцию. По логике вещей, каждому событию, в котором активный субъект каузирует возникновение, становление или развитие какого-либо признака (например, *Человек валит дерево*), должно имплицитным образом соответствовать событие, центром которого является субстанция, испытывавшая воздействие этого субъекта. Ей и предцируется статический или динамический признак (*Дерево падает, валится*).

Типология лексических средств выражения семантики каузации обновляется на идее о том, что любая каузальная ситуация может быть описана по крайней мере с двух сторон — со стороны действующего субъекта каузации или со стороны ее объекта. Другими словами, каждому лексикализованному предикату, обозначающему каузацию признака в объекте, должен соответствовать другой лексикализованный предикат, называющий эффект каузального воздействия. Предикаты первого типа традиционно называют к а у з а т и в а м и, предикаты второго типа мы условно обозначим как р е ф л е к с и в ы.

Здесь нужна одна терминологическая оговорка. Термин "рефлексив" — в его традиционном употреблении — характеризует план выражения глагольного предиката. Его распространением на все глаголы с аффиксом *-ся* русистика обязана А.М. Пешковскому [Пешковский 1956]. Класс же интересующих нас лексем в значительной степени смещен относительно формально-рефлексивного.

Во-первых, в оборот вводятся непрямые глаголы типа *пить, сидеть, стынуть, гибнуть, сохнуть, мерзнуть, течь, гореть* и др., соотносительные с каузативами *поить, садить, студить, губить, сушить, морозить, точить (воду), жечь* и не являющиеся рефлексивами в указанном выше понимании.

С другой стороны, многие рефлексивы не попадают в семантическую сетку отношений "каузатив — рефлексив", особенно так называемые "автокаузативы" (*подняться, застрелиться, спрятаться, бросаться*), "абсолютивы" (*лягаться, драться, толкаться, ругаться, кусаться*), реципроки (*целоваться, обниматься*) и пр.

Другой терминологический путь состоит в использовании префиксальных производных термина "каузатив", ср. исчисление "некаузативного", "декаузативного" значений рефлексивов (!) в работе И.Б. Долининой [Долинина 1991]. Этому пути мы не следуем по той причине, что значения не- и декаузативные в паре "каузатив — рефлексив" нами не усматриваются (см. раздел II).

В пользу термина "рефлексив" можно привести следующий аргумент. В современном русском языке (шире — в современных славянских, в отличие от балтийских [Степанов 1989: 137]) глаголы, описывающие каузируемое состояние неактивных субъектов (прежде всего вещей), большей частью морфологически производны от

каузативов. Они образуются добавлением к исходному глаголу аффикса *-ся*, то есть являются формально-рефлексивными. Именно поэтому предпочтение мы отдаем термину "рефлексив".

Оформление класса русских глаголов с аффиксом *-ся*, выражающих сосредоточенность действия в субъекте, — процесс исторически наблюдаемый (см. [Марфунина 1970]). А типологическая тенденция к замещению более древних глаголов каузативом состояния исторически позднейшими рефлексивами (с тем же значением) прослеживается и в современной русской лексике. Ср. остатки старых оппозиций типа *сушить* — *сохнуть*, *морозить* — *мерзнуть*, а также *торопить* — *спешить*, где в современном языке наблюдается дублетность форм: *сохнуть* и *сушиться*, *мерзнуть* и *морозиться*, *спешить* и *торопиться*; ср. также *гордиться*, при исчезнувшем *гордеть* "гордиться", зафиксированном В.И. Далем и И.И. Срезневским как *гордѣть* и *гърдѣти* = *гордѣти* соответственно. Современный рефлексив *сидиться* — производный от каузатива *садить* — заместил собой древний глагол *сѣдати* (несов. вид, его коррелят сов. вида *сѣсти* — современное *сесть*).

Итак, каузативы и рефлексивы (последние — в указанном понимании) образуют бинарные оппозиции, типизируя оба фланга каузальной ситуации. Теоретически возможно предположить, что любая каузальная ситуация будет описываться в языке набором из двух типизированных лексических единиц (конфигурацией двух лексикализованных предикатов).

Факты типологии индоевропейских языков обнаруживают четыре типа соотношения лексических единиц в выражении ими каузальной семантики. (В работах [Степанов 1988: 1989] эти соотношения имеют вид тройных оппозиций — в соответствии с тремя основными типами индоевропейского предложения — и потому в системе этого автора их шесть.) Современный русский язык, выступающий в данном случае языком иллюстраций, сохранил в своей системе все типы конфигураций.

Конфигурация 1. Каузатив и рефлексив — разные лексемы: *жечь* — *гореть*, *класть* — *лежать*, *топить* — *таять*, *валить* — *падать*.

Конфигурация 2. Каузатив — одна лексема, рефлексив — не имеет самостоятельного лексического выражения: *греть* — *греться*, *валить* — *валиться*, *варить* — *вариться*, *сыпать* — *сыпаться*, *пахать* — **пахаться* (*поле пахется*), *рыть* — **рыться* (*земля легко роется*).

Конфигурация 3. Каузатив и рефлексив — одна и та же лексема: *гнать* (*Пастух гонит стадо* — *Стадо гонит во весь опор*), *поварачивать* (*Ящик поворачивает бричку* — *Бричка поворачивает*), ср. англ. *to boil* "кипятить, кипеть", *to dip* "погружать, окуна́ть, быть погруженным".

Конфигурация 4. Каузатив и рефлексив — разные лексемы, но одного корня: *сушить* — *сохнуть*, *морозить* — *мерзнуть*, *сидить* — *сидеть* и др. Именно для

Конфигурации 4 характерна в современном русском языке дублетность форм, ср. *человек сохнет* (но не ?*сушится*, если даже его кто-то *сушит*), а *одежда* (если ее специально сушат) скорее *сушится*, чем *сохнет*; *человек мерзнет*, но *мясо морозится* и т.д.

Однако преобладающей в русском языке оказывается тенденция к выстраиванию оппозиции "каузатив — рефлексив" по **Конфигурации 2**: *варить* — *вариться*, *валить* — *валиться*, *дробить* — *дробиться*, *лечь* — *лечься* (из *точить* — *течь*), *плавить* — *плавиться* и под. Эта тенденция оказывается настолько сильной, что в функции соотносительного рефлексива нередко (окказионально) выступают глаголы страдательного значения, ср. распространенные реплики типа **Вопрос обмозговался*, *обдумался* по аналогии с узуальным *Вопрос решился* (*сам собой*).

Если балтийские языки, например литовский, оформляют рассматриваемую оппозицию по **Конфигурации 4** (ср. *berti* — *hirti* "сыпать — сыпаться", *skelti* — *skilti* "колоть

— колотьяся", *skiesti* — *skysti* "разбавлять — разжижаться", *iežti* — *ižti* "лущить — лущиться"), т.е. как эквиполентную [Степанов 1989: 134], русский язык представляет ее как привативную, где-маркированным (сильным) членом выступает каузатив.

Производный характер современных русских рефлексивов, все исторические замещения форм и современная дублетность свидетельствуют об исконной слабости, неполной типизированности в русском языке того фрагмента семантики каузации, который обозначается рефлексивами.

II

Современная теоретическая лингвистика в силу сложности своего объекта описания — языка — ищет опору в логико-философских концепциях. В свою очередь последние в верификативных целях привыкли обращаться к языку, пытаются в нем найти "естественные" аналоги своих концептов. В использовании методологии и методики лингвистики при решении философских проблем известны значимые для самой лингвистики результаты (ср. открытые категории "факт" с помощью дистрибутивного анализа Э. Вендлером [Vendler 1967]).

Складывающаяся на этом фоне дисциплина — философия языка — призвана придать законченную (и "законную") форму этим отношениям. Нижеследующие замечания вызваны потребностью гармонизировать положение дел в одной сфере приложения сил логиков, философов и лингвистов.

Особенность познавательной ситуации — в поэтапности, постепенном освоении ее дифференциальных черт. На каждом этапе (или уровне) к известному добавляется новое, вновь приобретенное увязывается с уже имеющимся. При этом эпистемический фон познающего субъекта непременно трансформируется. В движении от предположения к знанию субъективная мысль пренебрегает фактором целостности мира.

Принципиальная "непрозрачность" мира вызвала к жизни философскую феноменологию в лице Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти и др. Эпистемический фон лежит в основе некоторых логических систем. Небезразличен фактор знания для каузального анализа, как он интерпретируется в системе Г.Х. фон Вригта. Любые теории обработки и использования знаний ведут к умножению существей. Поэтому эпистемически-ориентированный каузальный анализ выполняет миропорождающую функцию, обращаясь к понятию возможного мира и семантике возможных миров.

Объяснение фрагментов "истории" возможного мира состоит в учете всех условий реализации его промежуточных состояний. Естественно, эти условия необходимо знать, чтобы творимая "история" имела объяснительную силу. И суть каузального анализа по фон Вригту — в преимущественно ретроспективном "раскручивании" цепочки обусловленных и з в е с т н ы х состояний в системе мира. Его эпистемология "находит отражение в операции расширения начальных фрагментов системы либо путем включения дополнительных элементов в пространство состояний, либо посредством рассмотрения большего числа стадий в развитии систем" [фон Вригт 1986: 219]. Осведомленность субъекта о ситуации — знание или незнание ее фрагментов, ее истока и предела — находит выражение в конструируемом отрезке возможного мира, куда она включена.

Градуированность знания задает множественность возможных интерпретаций ситуации, а следовательно — и спектр возможных, "ментальных", миров, протяженный по эпистемической шкале [Степанов 1994].

В каждом мире действуют свои законы, потому что "власть" в них принадлежит разным причинам. Последние формируют собственную семантику, естественно градуированную по линии выделенности причин из каузального фона, определенности.

Эпистемический фактор регулирует жизненную практику, ограничивает поведение, в том числе и вербальное. Эпистемические "пробелы", возникающие на пути осмысления каузальных ситуаций, мешают полноте мотивировок. Незнание вуализуют, о

нем не сообщают; к знанию всегда апеллируют. Например, в ответ на вопрос: *"Почему ты так плохо работаешь?"* можно услышать: *"Скверно себя чувствую"* или *"Что-то сегодня не работается"*. Первый вариант ответа строится по принципу "из-за" (because of), второй — "никто не может сказать почему" (one couldn't say why). Эти классификаторы, занимающиеся нами из метаязыка А. Вежбицкой [Wierzbicka 1988], отражают уровни знаний говорящего, оказавшегося перед необходимостью предъявления причин.

Наконец, тот или иной "образ" ситуации, взятый в контексте возможного мира, "схвачен" средствами обслуживающего этот мир языка. Ниже речь пойдет о семантическом "д в о е м и р и" по линии определенности/неопределенности семантики каузации, выражаемом поляризованными единицами языка — каузативами и рефлексивами.

Истоки "двоемирия" в том, что семантика каузации, включая в себя все атрибуты процесса каузации — его актанты и сирконстанты, — неравномерно распределена между нами. Она варьирует при изменении смыслового объема ("образа") ситуации, причем варьирование заключается в отбрасывании эпистемически (и прагматически) нерелевантных атрибутов ситуации, т.е. уменьшении общей с другими мирами части ее свойств.

При движении в обратном направлении смысловой объем ситуации обогащается введением новых ее актантов. Как будет видно, усложнение "образа" ситуации происходит не путем простого прибавления нового знания к уже имеющемуся. Мир, где неполнота знания о субъекте каузации приводит к его невыделенности из каузального фона, противоположен другому миру, в котором субъект известен и определен, отнюдь не только по линии определенности черт субъекта. В обоих различен каузальный фон, а соответственно — и природа каузирующих субъектов. То же можно сказать применительно к любому компоненту ситуации, подпадающему под эпистемическую редукцию. При переходе из одного мира в другой прежние импликации непременно погашаются, а узнавание новых черт влечет перемену взгляда на ситуацию в целом.

В языке отмеченная закономерность проявляется в различиях условий истинности высказываний, принадлежащих разным мирам. Так, об одном мире можно сказать: *"Он уже собирался произвести последний и самый блистательный вольт, поместив в газету объявление, что меняет шесть комнат в разных районах Москвы на одну пятикомнатную квартиру на Земляном валу, — как его деятельность, по независящим от него причинам прекратилась"* (М. Булгаков), как и, о том же мире: *"...как обстоятельство прекратили его деятельность"*. Однако, употребив высказывание без каузальной ремарки — используя рефлексивную пропозицию *...как его деятельность прекратилась*, — мы расширим его экстенционал и получим описание другого, нетождественного первому мира. Последнему принадлежит и ситуация с каузирующим субъектом *он* (т.е. "его деятельность прекратилась из-за него; он сам прекратил свою деятельность"). Тогда высказывание о положении дел в первом мире применительно к миру второму не всегда даст описание истинного положения дел. Ведь оно не приложимо к ситуациям так называемой "внутренней" каузации (см. ниже).

Очевидно, что оба типа пропозиций (*обстоятельства прекратили его деятельность* и *его деятельность прекратилась*) имплицитно различны, хотя и пересекающийся, каузальный фон. И набор потенциальных каузаторов в них неодинаков.

Типология пропозиций по линии предикатов, соответствующая эпистемически значимым фрагментам типологии каузальных ситуаций, может быть продлена. В первом приближении проступают такие ее контуры.

В русском языке выстраивается ряд пропозиций, которые фиксируются следующим образом: *Собеседники прервали разговор* (каузативная) — *Разговор прервался* (рефлексивная) — *Что случилось?* — *Прервалось* (безличная). Они градуируются по

линии постепенного удаления актантов ситуации: каузативная пропозиция включает субъект каузации и ее объект, из рефлексивной уходит фигура каузатора. Безличность освобождает ситуацию от мыслимого набора актантных ролей. Возможно также — в этом противопоставлении — и семантическое градуирование по линии субъекта внутри рефлексивного типа пропозиции: *Разговор прервался* — *Связь прервалась*. Однако типология субъектов здесь рассматриваться не будет. Обратимся к двум первым типам пропозиций — каузативным и рефлексивным.

* * *

Традиционно при описании семантики рефлексивов используется дескрипция "замкнутость действия в сфере субъекта". Сама "замкнутость", хотя и в широком смысле, служит своеобразным дифференциальным признаком, выделяющим называемый рефлексивами тип ситуации из массы других, и прежде всего — именуемых каузативами.

Пара "каузатив — рефлексив" в семантико-синтаксическом ключе представлена в литературе довольно единообразно: несмотря на широту спектра возможных семантических сдвигов — впрочем, весьма неодинаковую в работах разных авторов, — регулярность устранения каузативного значения при формальной рефлексивизации каузативов является в исследованиях общим местом.

Обычно это связывают с тем (или же исходят из того), что рефлексивная и каузативная пропозиции (в отличие, скажем, от оппозиции актива и пассива) называют две различные ситуации ("ситуация" здесь понимается в первом, онтологическом, смысле — как фрагмент реального мира). Так, ситуация "*Занавес опустился*" в силу тех или иных причин осмысливается как автономная от ситуации "*Служитель опустил занавес*". А пары *Он отвязал собаку* — *Собака отвязалась*; *Он рассердил ее* — *Она рассердилась* и др. показывают: "рефлексивная конструкция отражает независимую от каузации ситуацию, никак с ней не связанную" [Долинина 1991: 328—329].

Наша же позиция резюмируется следующим образом: каузативные и рефлексивные пропозиции в данном случае обозначают одну и ту же реальную ситуацию. И хотя з и а н и я говорящего о ситуациях, стоящих за каузативными и рефлексивными пропозициями, различны, они различаются лишь объемом признаков и полностью накладываются друг на друга или, во всяком случае, пересекаются.

Мы говорим *Собака отвязалась*, когда информация о виновнике ситуации нам неизвестна, когда виновник невычленим из каузального фона, а также в тех случаях, когда употребление конструкции *Он отвязал собаку* кажется прагматически неуместным. Инвариантом же здесь является одна наблюдаемая (реальная) ситуация "собака отвязана".

Мы говорим *X умер*, хотя хорошо знаем, кто *убил X-а*. В ситуации дознания презумпция невиновности запрещает "лобовые" обвинения, а дескрипция *убийца* в норме судопроизводства позволительна лишь в его финальной части. Аномальность ситуации заставляет использовать предикаты широкой семантики — *умереть* (*от руки убийцы*), *погибнуть* — в тех текстах, куда его партнер *убить* не вхож по законам жанра [Арутюнова 1988: 298—315].

Мы сообщаем о событии, хотя его причины нам неясны. Высказывание *X был убит*, занимающее вершинное место на шкале знания, налагает на автора определенные эпистемические обязательства. Его экстенциональное пространство регламентировано, в то время как экстенционал выражения *X умер* более размыт. Поэтому рискованный ошибиться скорее выберет из двух высказываний второе.

Итак, каузативы и рефлексивы дают высказывания, квалифицируемые говорящим в терминах их адекватности обозначаемым ситуациям. За ними стоит один онтологический ряд, и потому они способны стать объектами выбора. Мы убеждены, что это одна наблюдаемая (реальная) ситуация, но только каждый раз по-разному

интерпретированная. Она включается говорящим в разные миры, причем так, что в одном случае образуется мир полного, в другом — "ущербного" знания. Степень "освоенности мира" и нормы речевой практики играют здесь первостепенную роль.

* * *

Такой подход заставляет по-другому трактовать семантическую оппозицию каузатива и рефлексива. За внешними грамматикализованными их различиями видны категориальные семантические сходства: их значениям в равной степени оказывается имманентным каузативный элемент.

Впервые эта точка зрения была систематически изложена в статье А. Вежбицкой "Why "kill" does not mean "cause to die": the semantics of action sentences", вошедшей затем в книгу "Lingua mentalis" [Wierzbicka 1980].

Отправным пунктом работы А. Вежбицкой явилось заявление о том, что формула толкования "*убить* = каузировать *умереть*", приводимая многими лингвистами в качестве примера каузативного значения, на самом деле безупречна. Помимо прочих недостатков, эта формула ничего не сообщает о действительном соотношении *убить* и *умереть*. По мнению А. Вежбицкой, последние не различаются по признаку наличия/отсутствия каузативных компонентов в значении: каузальные отношения представлены в семантических структурах обоих глаголов, и недостаток существующих описаний состоит в том, что у глагола *умереть* они не фиксируются [Wierzbicka 1980: 172].

Эксплицируя каузативное значение в глаголе *умереть*, А. Вежбицка идет вслед за Э. Бенвенистом, утверждавшим: "В активном залоге глаголы обозначают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне. В среднем залоге... глагол указывает процесс, который развивается в субъекте; субъект является внутренним по отношению к процессу" [Бенвенист 1974: 188]. Если учесть, что *умереть* (*to die*) — "генетически медиальный" глагол (ср. латинское *morior*, классический представитель глаголов группы *media tantum*, с тем же значением), становится ясно, что сказанное о среднем залоге приложимо и к нему.

Важной в работе А. Вежбицкой является семантическая дескрипция, используемая для экспликации "внутренних" каузальных отношений. Если З. Вендлер, отстаивая непредметный статус объектов, входящих в каузальную связь, предлагает восстанавливать в предложении *John caused the disturbance* предикат *doing* — *John's doing something caused the disturbance* [Vendler 1967: 174], А. Вежбицка идет дальше. Разделяя мнение о том, что каузальные отношения существуют между положениями дел (то есть пропозиционально ориентированы), она предлагает формулу "неспецифицированного предиката", работающую и в предложениях с неактивным субъектом, — "нечто, что можно сказать о" (something sayable about) [Wierzbicka 1980: 172—173, 183]. Тогда значение конструкции "*X умер*" описывается следующим образом: "*X умер* = нечто, что можно сказать об *X*, каузировало *X* стать неживым" [Wierzbicka 1980: 172].

По А. Вежбицкой, различие "внутренних" (internal) и "внешних" (external) каузаций — и это важно подчеркнуть — основывается не на апелляции к свойствам и отношениям объективной ситуации, а определяется точкой зрения говорящего ("...is often a matter not of objective differences in observable reality, but of the speaker's point of view") [Wierzbicka 1980: 171]. Это замечание, ассоциируемое с идеями философской феноменологии, объясняет принадлежность каждого члена данной оппозиции разным возможным мирам.

Вычленение в значении медиального глагола каузативного компонента побуждает А. Вежбицку пересмотреть известные представления о каузативных глаголах. К ним, по ее убеждению, наряду с традиционными глаголами, соответствующими русским *убить*, *сломать* относятся "медиальные" *умереть*, *сломаться*, а также *есть*, *читать*, *мыть*, *копать*, *кипятить* ("basically transitive verbs", по Дж. Лайонзу). К

каузативам А. Вежбицка относит и интранзитивные глаголы физических действий *садиться, вставить, идти*, которые, по ее мнению, семантически не менее транзитивны, чем *садить, поднимать, отправлять* и т.д.

Можно с недоверием относиться к наклеиваемым А. Вежбицкой семантическим ярлыкам: распространение термина "каузатив" на все перечисленные выше глаголы — в их числе интранзитивные — противоречит традиционным семантическим и формально-грамматическим представлениям. Можно упрекнуть автора в безмерном расширении понятия каузативности в сторону его онтологизации и включения лингвистически нерелевантных черт ситуации в интенционалы предикатных выражений. (Уместно напомнить, что идея "всюду-каузативности" (over-causativity) предикатных значений, помимо самой Вежбицкой, разделяется многими генеративистами и сторонниками когнитивной семантики, см.: например [Peterson 1985; Talmy 1985].)

Тем не менее пути критики концепции Вежбицкой не меняют сути дела. Эта концепция должна быть принята как взгляд на оппозицию каузатива и рефлексива — как бы второй член ни был поименован — глазами говорящего, в противоположность имеющимся исследованиям, воспринимающим эту оппозицию исключительно с позиций системы языка.

Уточним также, что термины "внутренняя" и "внешняя" каузация, как они используются далее и как трактуются обозначаемые ими соответствующие концепты, имеют истоком эту концепцию А. Вежбицкой.

Таким образом, различия в типах субъектов каузативных конструкций — а ими могут быть имена лиц в функции агенса, а также имена антропоморфных субстанций (*вода, огонь, ветер* и под.) и "высших" сил (*судьба, рок* и пр.) — не дают принципиальных различий в типах ситуаций, этими конструкциями именуемых. Последние едины в одном: это ситуации "внешней" каузации, концептуализованные и представленные говорящим в "чистом" варианте такого типа отношений.

Сложнее обстоит дело с рефлексивами. По А. Вежбицкой, они обозначают ситуации "внутренней" каузации. Здесь информация о причинах разворачивается в текст: хотя можно умереть *от скарлатины* (каузация "внутренняя"), можно и умереть *от руки убийцы* (каузация "внешняя"). В отсутствии каузативного контекста эта информация выводима на уровне имплицатур: в условиях "нормальной" жизни сообщинение *Х умер* будет интерпретировано в духе Вежбицкой. Ср. другую ситуацию: *Она рассердилась*. Вероятные имплицатуры: "виновником состояния является внешний фактор — нечто неопределенное и невычленимое из каузального фона" и "причина — нечто внутреннее, что скрывается в самом субъекте". В поддержку второй интерпретации приведем пример: *Она никак не могла выбросить из головы эту навязчивую идею, а потому постоянно сердилась*. Ср.: *И кот от обиды так раздулся, что казалось, еще секунда, и он лопнет* (М. Булгаков).

В другом примере: *Как и для большинства людей моего возраста, активная и сознательная жизнь окончилась уже давно* (Л. Разгон), — очевидно, что причина кроется в скоротечности самой жизни. Следующее предложение описывает ситуацию вмешательства в ход жизни активного субъекта: *Есть только один способ достойно заканчивать жизнь* (Там же). Ср. показательный пример Н.А. Янко-Триницкой: *Советский Союз превратился, точнее, превратил сам себя во вторую промышленную державу в мире* (Из газеты). Еще пара примеров: *Необходимость следить сразу за действием нескольких механизмов выработала у Коли особую манеру речи...* (Б. Пастернак) — против *Сформулированный в "Архипелаге ГУЛАГ" тезис: "Не проси и не надейся" не придуман его автором, он в ы р а б о т а л с я у каждого, кто с открытыми глазами пытался понять свое будущее* (Л. Разгон).

В последних примерах рефлексивные пропозиции описывают "внутреннюю" каузацию. В предикате лексикализован фиксированный взгляд на ситуацию. Поэтому ситуации "внутренней" каузации не типизируются посредством каузативов, ср. пары

превратиться — превратить себя, радоваться — радовать себя, пить — поить себя и др., где вторые члены являются свободными словосочетаниями.

Несмотря на то, что рефлексивные пропозиции достаточно четко очерчивают — в предикате — "сферу обитания" каузирующих факторов, заключая их в субъекте, при контекстной невыраженности набор последних оказывается неопределенным. В метаэзике он сведен к загадочному "нечто" ("нечто, что можно сказать о" у А. Вежбицкой), остающемуся неспецифицированным. Исключение составляют ситуации типа *жизнь окончилась*, где информация о субъекте каузации извлекается из универсального фонда знаний говорящего, и случаи типа *ведро прохудилось*, и устойчивыми каузальными ассоциациями в предикате.

Истоки неопределенности каузатора находятся в двух типах факторов: можно говорить о неопределенности эпистемической (происходящей от незнания ситуации) и прагматической (когда знают, но не говорят). Первая объективна, вторая субъективна. Основания первой кроются в степени осведомленности говорящего о мире, второй — в области знаний о прагматической ситуации. В обоих случаях предпочтение отдается рефлексивам.

Таким образом, к постулируемому А. Вежбицкой значению "внутренней" каузации мы добавляем значение каузации эпистемически или прагматически неопределенной, также специфичную для семантики рефлексивов. Неопределенность может быть качеством и "внешнего" типа каузации. Тогда такие ситуации попадают в сферу влияния рефлексивов.

Однако в ситуации незнания возможны каузативные оппозиции типа *Что-то сильно беспокоило ее*, вызванные прагматическим контекстом. Семантически допустимы и высказывания типа *Нос Сюзан причиняет ей много беспокойства* (пример А. Вежбицкой), содержащее информационный пробел: ср. уточняющие переспросы типа *Что произошло с ее носом?* или *Чем он ее беспокоит?*, рассчитанные на восстановление "урезанной" пропозиции. Из двух последних высказываний только во втором контуры каузатора определены. А каузальный фон в обоих высказываниях различен: в первом он предельно размыт (*что-то*), охватывая внутреннюю и внешнюю сферы субъекта состояния; во втором ограничен нежелательными качествами носа.

Примером прагматической неопределенности будет последняя реплика в диалоге: — *Ты опять ключи спрятал?* — *Не брал я их.* — *Опять эти ключи куда-то спрятались.* Здесь явно цитатное употребление предиката *спрятались*, допускающего в субъектной позиции лишь имя индивида, отсылает к первой реплике, где предполагаемый каузатор эксплицирован.

Итак, в нашей интерпретации семантическая оппозиция каузатива и рефлексива формируется в двух направлениях. Ее суть — в характере явленности субъекта каузации, то есть его определенности/неопределенности, и во "внешнем" или "внутреннем" отношении к объекту. Оппозиция формируется, следовательно, не столько внутренними значениями соответствующих предикатов, сколько обозначаемыми ими ситуациями.

Резюмируем сказанное. Каузативы и рефлексивы неравноправны. Они и их корреляты — ситуации — образуют привативную оппозицию. Каузативные референции при этом составляют ее маркированную область, рефлексивные — конституируют ее немаркированную (привативную) сферу. Ситуация в мире, дескриптивные характеристики которого не могут быть эксплицированы говорящим — по эпистемическим или прагматическим причинам — в той мере, насколько это необходимо для ее подведения под каузальный "эталон" (стереотип "внешней" определенной каузации), становятся объектами означивания для рефлексивов. В этом смысле референции контрадикторны.

Соответственно, сферой действия каузативов являются, по преимуществу, отношения "внешней" (в том числе репрезентируемой по ее подобию) каузации, а сферой влияния соотносительных рефлексивов — каузации, отличные от определенной

"внешней" (то есть "внутренняя", а также неопределенная), либо отклоняющиеся от ее прототипического стандарта. Ср.: *Азевич... тут же проснулся от воцарившейся в шалаше подозрительной тишины* (В. Быков). Пути сообщения о такой ситуации — знак связи каузативных и рефлексивных форм: ситуацию, "развернутую" в каузативную конструкцию, можно "свернуть" в рефлексивную. Обратное же не всегда возможно. Семантика рефлексивов шире: их каузативный компонент слабо ориентирован на спецификацию причин. В отрыве от контекста в нем заключены субъекты кто и что, некто и нечто, никто и ничто. В преодолении рефлексивной неопределенности, конкретизации (каузативации) рефлексивной семантики — постулируемая здесь суть эпистемической "бритвы".

Эпистемология ситуации и прагматика общения санкционируют нежесткое распределение рассматриваемых единиц.

* * *

В заключение попытаемся более отчетливо представить себе — на уровне ситуаций — динамику осмысления "внешних" каузальных отношений в той ее части, которая в одних случаях позволяет подводить ситуации под каузальный "эталон", в других же — интерпретировать ситуации как, в нашей формулировке, отклоняющиеся от прототипического стандарта "внешней" каузации. Тем более последние случаи отнюдь не исчерпываются приведенным выше примером.

Итак, признаком "эталонности" (прототипичности) обладают ситуации "внешней" каузации одушевленным произвольно действующим субъектом. Последнему приписывается авторство ситуации. Для акциональной логики возникающая здесь проблема состоит в поисках логических оснований идентификации поведения субъекта именно как д е й с т в и я . И причинная концепция действия — она сформулирована в рамках логики действия — была вызвана потребностью простого и естественного решения этой проблемы.

В соответствии с причинной концепцией "субъекту можно приписать действие, если он является причиной (или одной из причин) появления этого действия" [Ишмуратов 1987: 35].

Можно показать, что даже в случаях определенности причин эта импликация малопродуктивна. Исходя из задач алгоритмизации описания действия, она игнорирует в факторе субъекта прагматический момент: субъект располагает множеством способов "отвести" от себя действие, которое ему "инкриминируется". Например: *Палец свело судорогой и курок нажался, я этого не хотел: выстрел произошел сам собой* (пример А.Т. Ишмуратова).

Учет фактора знания и введения в оборот ситуаций с неопределенным набором потенциальных каузаторов дают — в рамках этой концепции — уравнение с двумя неизвестными. Оно лишено предельного числа решений. Очевидно, что вопрос о виновнике уместен в отношении верифицированной каузативной пропозиции — нацелен на заполнение ее субъектной валентности; но преждевремен в отношении пропозиции рефлексивной, обнаруживая недостающее эпистемическое звено. Например, вопрос *Кто убил Джона Кеннеди?* актуален, поскольку известно, что Кеннеди был убит. Однако тот же вопрос кажется неуместным в устах человека, в чем ментальном мире существует лишь пропозиция *Джон Кеннеди умер*.

Проблема усложняется также тем, что "практическая логика" нередко ставляет ситуации с синкретичным субъектом. Мы имеем в виду случаи, когда одушевленный каузатор сталкивается с превентивным или продуктивным действием других каузативных субъектов и/или факторов иного порядка (например, природных стихий). Такие ситуации различаются степенью вовлеченности в них интенционально действующего субъекта — показателем, находящимся в обратной зависимости к мере их прототипичности. Меньший личностный вклад и подключение неагентивного каузального фона равносильны большому отступлению от прототипа. Валидность концепций каузального анализа "проверяется на таком "непрототипическом" материале.

Обратимся к фрагменту каузального анализа Г.Х. фон Вригта: "Допустим, что дверь закрыта, но в тот самый момент, когда я ее пытаюсь открыть, открывается "сама собой"... В данном случае это выражение не подразумевает (как иногда думают), что данное событие — движение двери — произошло вообще без всякой причины. Скорее оно подразумевает, что причина события, как бы она ни была, действовала почему-то независимо от поведения агента" [фон Вригт 1986: 154—155]. Основная проблема, которую разрешает здесь фон Вригт, лингвистически релевантна и сводится к следующему: возможна ли в такой ситуации интерпретация действия агента в терминах интенционального поведения. Другими словами, может ли эта ситуация быть описана в терминах контроля, названа как *Я открыл дверь*, или же для ее описания следует использовать пропозицию *Я открыл дверь*, или же для ее описания следует использовать пропозицию *Дверь открылась*.

Ответ фон Вригта следующий: «...то, что агент *несомненно делает*. "сокращается" или "ограничивается" теми действиями, путем совершения которых он стремился выполнить свое действие. Тем самым (последующее) обнаружение причины, действующей независимо от агента, может привести к *переописанию* его действия в "вырожденной" форме» [фон Вригт 1986: 156].

"Последующее обнаружение" происходит на новом этапе (или уровне) познавательной ситуации. Главная ее особенность заключается в том, что мир полного знания в ней осмысливается в "вырожденной" форме, отрицающей интенционально действующего субъекта каузации. Этот мир располагает к каузальной неопределенности и вариантам — при сохранении единого ситуационного "ядра" (инвариантом в дилемме фон Вригта является ситуация "дверь открыта"). Потому языком этого мира будут рефлексивы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д. 1988 — Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Барвайс Дж., Перри Дж. 1987 — Ситуации и установки: Пер. с англ. // Философия, логика, язык. М., 1987.
- Бенвенист Э. 1974 — Общая лингвистика: Пер. с фр. М., 1974.
- фон Вригт Г.Х. 1986 — Логико-философские исследования: Пер. с англ. М., 1986.
- Долинская И.Б. 1991 — Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Ишмуратов А.Т. 1987 — Логический анализ практических рассуждений (формализация психологических понятий). Киев, 1987.
- Марфунина И.А. 1970 — К истории формирования возвратных глаголов [русского языка] (развитие структурных средств выражения сосредоточенности действия в субъекте): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1970.
- Петров В.В., Переверзев В.Н. 1988 — Ситуационная семантика: Науч.-аналит. обзор. М., 1988.
- Пешковский А.М. 1956 — Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
- Савичюте Г.С. 1980 — Предикаты цели и предикаты каузации (на материале флексивных индоевропейских языков): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1980.
- Степанов Ю.С. 1988 — Балто-славянское и индоевропейское предложение (проблема реконструкции) // *Baltistica*. XXIV (2). Vilnius, 1988.
- Степанов Ю.С. 1989 — Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Степанов Ю.С. 1994 — Пространства и миры — "новый", "воображаемый", "ментальный" и прочие // Философия языка: в границах и вне границ. Т. 2. Харьков, 1994.
- Типология... 1969 — Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив. Л., 1969.
- Peterson Ph.L. 1985 — Causation, agency, and natural actions // *Papers from the parasession on causatives and agentivity*. Chicago (III), 1985.
- Talmy L. 1985 — Force dynamics in language and thought // *Papers from the parasession on causatives and agentivity*. Chicago (III), 1985.
- Vendler Z. 1967 — *Linguistics in philosophy*. Ithaca; N.Y., 1967.
- Wierzbicka A. 1980 — *Lingua mentalis: The semantics of natural language*. Sydney, etc., 1980.
- Wierzbicka A. 1988 — *The semantics of grammar*. Amsterdam; Philadelphia, 1988.